

В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ИССЛЕДОВАНИИ ИРОНИИ DIALOGIC APPROACH TO VERBAL IRONY

Ключевые слова: диалог, модель коммуникации, свободный косвенный дискурс, вербальная ирония

Keywords: dialogue, model of communication, free indirect discourse, verbal irony

1. Трактовка термина диалог

В исследовании человеческого общения обычно выделяют две основные парадигмы: трансляционную, механистическую и интеракционную, диалогическую, подчёркивающую не одностороннюю передачу информации или воздействие, а взаимодействие, совместную деятельность участников коммуникации (Кашкин, 2007: 33-34; 2009: 659). Именно диалогическая парадигма позволяет в более полной мере объяснить реальность дискурсивного взаимодействия, в том числе, и в случае использования иронии.

В диалогическом общении создаются и регулируются многогранные, постоянно изменяющиеся взаимоотношения между людьми. В течение жизни человек оказывается во множестве ситуаций, в которых необходимо вести диалог, обсуждать и координировать дальнейшие совместные действия. Ср. мнение Н.Д. Арутюновой: «Связь языка с миром жизни особенно очевидна в диалоге. Речь не отделена от поведения человека» (Арутюнова, 1999: xiv). Любая диалогическая коммуникация интенциональна: у участников коммуникации всегда есть цель и средства ее достижения, есть действия и есть ответная реакция на эти действия.

Неудивительно, что многие исследователи обращаются к проблеме диалогической коммуникации. Как и в других случаях частого обращения к какой-либо теме, существует некоторая терминологическая путаница, связанная с параллельным существованием «наивной» и «научной» трактовки понятия диалога (Wierzbicka, 2006). Для данного исследования интерес представляют два взаимосвязанных варианта употребления термина *диалог*:

1. Диалог как обмен репликами

Прототипический диалог вполне может быть описан стандартной моделью коммуникации, с той только разницей, что движение информации может осуществляться как в одном, так и в другом направлении. Роли участников диалога – говорящего и адресата – предопределены самой моделью, но они изначально неравноценны. Активное начало закреплено за говорящим, а адресату отведена роль пассивно воспринимающего информацию объекта. В такой трактовке диалога первичной оказывается

денотативная семантика (именно на передаче информации, т.е. некоторого набора значений делается основной акцент в стандартной модели коммуникации). Назовем употребление термина *диалог* в таком значении *информационно-семантическим*.

2. Диалог как тип взаимоотношений

При таком понимании диалога акцент смещается с собственно языковой формой организации диалога (так, именно в этом смысле принято говорить о «диалоге культур»). Теперь это не собственно обмен репликами, а такой способ коммуникации, который характеризуется гибкостью, изменчивостью, открытостью, незавершенностью. Такой диалог всегда предполагает наличие *ДРУГОГО УЧАСТНИКА, АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ*, и в этой трактовке ведущим является реляционный компонент: взаимоотношения между коммуникантами, различными мнениями (характерен перенос понятия *ПОЛИФОНИЯ* из музыки в теорию текста). Это употребление термина *диалог* назовем *реляционным*. Очевидно, такое в значительной степени метафорическое понимание диалога можно считать вторичным по отношению к приведенной выше традиционной трактовке диалога, однако в современном обществе именно оно играет особую роль в организации социального взаимодействия.

Размышляя о природе диалогического взаимодействия, М.М.Бахтин писал: «Эти отношения глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания* (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые), за которыми стоят (и в которых *выражают* себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний» (Бахтин, 1979: 303). Такое понимание диалогических отношений является, по сути, метакоммуникативным, поскольку отражает рефлекссию относительно того, что было кем-то сказано ранее.

Как отмечал В.Н.Волошинов, «Диалог – словесный обмен – является наиболее естественной формой языка». С одной стороны, каждое высказывание «рассчитано на слушателя, т.е. на его понимание и ответ». С другой стороны, даже в случае «внутренней речи», например, спора с самим собой или рассуждения перед принятием решения, дискурсивный поток разбивается как минимум на два голоса (Бахтин, 2010: 191-192). Разговор с самим собой возможен только для социализированного индивида, диалог, таким образом, является генетически первичной формой коммуникации. Диалог – вовсе не обязательно «разговор двух», греческую приставку *dia-* («через», «сквозь») весьма часто путают с латинской *di-* («два»). Возможно как многоголосие, так и участие более чем двух коммуникантов; возможен также диалог в присутствии слушателя, зрителя, постороннего и т.п. (Кашкин, 2007: 49). Все эти варианты реального дискурсивного взаимодействия в конкретной ситуации и с учётом факторов конкретной

социальной среды значимы и для раскрытия иронического содержания дискурса.

Дискурс может быть ироничным с точки зрения отправителя, но не восприниматься таковым получателем. Он может показаться ироничным получателю, но исходно не задумываться таковым отправителем. В полной мере удачной можно признать лишь такую коммуникацию, когда как отправитель, так и получатель понимают ироничность дискурса (но всегда ли одинаково?). Направленность иронии с учётом диалогических параметров также может быть различной. Так, в театральной коммуникации, как и во многих случаях общения «на публике», в присутствии «третьего», но не лишнего, – фактически, получателем иронической составляющей послания может стать именно зритель, наблюдатель. Можно говорить и о случаях «самоиронии», понимание которой сознательно ограничивается самим отправителем. В любом случае, именно диалогическая модель в расширенном понимании позволяет учесть и описать большую часть случаев взаимодействия различных «голосов» и «точек зрения» в ироническом дискурсе – на фоне многих других факторов социальной среды.

2. Модель коммуникации

Иронией пользуются для достижения определённого эффекта. Диалогическая модель, учитывающая неравновесное и динамичное участие двух дискурсивных партнёров, позволяет предсказывать как успешность понимания и интерпретации ироничности высказывания, так и возможные неудачи, случаи недопонимания, «прагматические факторы риска», способные вызвать даже конфликтную ситуацию (Романов, Белоус, 2011).

Опираясь на реляционное понимание диалога, мы неизбежно выходим за рамки языковой системы. Снова сошлемся на М.М. Бахтина: «Между языковыми единицами, как бы мы их ни понимали и на каком бы уровне языковой структуры мы их ни брали, не может быть диалогических отношений (фонемы, морфемы, лексемы, предложения и т. п.). Высказывание (как речевое целое) не может быть признано единицей последнего, высшего уровня или яруса языковой структуры (над синтаксисом), ибо оно входит в мир совершение иных отношений (диалогических), не сопоставимых с лингвистическими отношениями других уровней» (Бахтин, 1979: 304-305). Таким образом, диалогические отношения возникают не только между участниками коммуникации: любое высказывание или текст также оказывается связанным различными типами отношений с тем, что было сказано или написано ранее. На реляционный аспект существования текстов обратил внимание Ц. Тодоров. Сопоставляя информационно-семантический подход к диалогу с концепцией М.М. Бахтина, Тодоров предлагает другую модель взаимодействия (Todorov, 1984: 54):

	<i>М. М. Бахтин</i>			<i>Р. О. Якобсон</i>	
	object			context	
speaker	utterance	listener	sender	message	receiver
	intertext			contact	
	language			code	

Замена *кода* на *язык*, а *контакта* на *интертекстуальные связи* имеет важные последствия для восприятия и последующего анализа процесса коммуникативного взаимодействия. Основными свойствами коммуникации в бахтинском смысле будут неопределенность, неоднозначность трактовки информации, возможность передачи имплицитных смыслов. Кроме того, диалог мнений может быть обнаружен и в тех случаях, когда формально мы имеем дело с монологом. Таким образом, нас интересует диалог в онтологическом смысле – как одновременное существование в дискурсе нескольких точек зрения, которые могут конкурировать между собой. Соотношение точек зрения может быть различным: это могут быть отношения гармонии, и тогда текст уместно сопоставить с музыкальным произведением для оркестра, либо это могут быть отношения конкуренции, и тогда текст превращается в «спортивное состязание», где всегда есть победитель и проигравший. Эти точки зрения могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно, например, с помощью несобственно-прямой речи (или, в другой терминологии, свободного косвенного дискурса – пример такой организации внутритекстового диалога см. ниже).

В данной статье мы проанализируем несколько текстов, в которых конкурирующие точки зрения выражены как явным образом, так и имплицитно, а показателем состязательных отношений выступает вербальная ирония.

3. Ирония

Очевидно, любой текст, любое высказывание (или даже его фрагмент) может стать поводом для создания нового текста. Оказавшись в новых условиях существования (в лингвистическом и внеязыковом контексте), исходное высказывание не обязательно может быть созвучно мыслям интерпретатора, напротив, оно может вступить в конфликт с точкой зрения *другого*. Этот конфликт может быть разрешен в диалоге конкурирующих точек зрения, причем этот диалог может быть организован как в информационно-семантическом смысле, так и в реляционном. Лучшая демонстрация своей точки зрения – на фоне чужой, однако не всегда можно представить свое мнение в открытой форме. Именно поэтому говорящий может отдать предпочтение непрямым способам коммуникации, например, иронии.

Ирония – это дискурсивная практика, которая позволяет не только выразить негативное отношение к объекту, но и представить различные точки зрения внутри одного высказывания или текста; при этом между точками зрения и, соответственно, теми, кто их выражает, складываются иерархические отношения (принципиально неполифоничные, но при этом многоголосные).

Современные теории иронии, с одной стороны, отличаются «монологичностью», т.е. своей ориентированностью на роль говорящего. С другой стороны, диалогичность иронии также ощущается исследователями, но в теориях эти ощущения воплощаются по-разному. С точки зрения

языковой формы интуитивно ощущаемое многоголосие иронического высказывания в прагматическом анализе иронии реализуется в противопоставлении «значения высказывания» и «значения говорящего» (Grice, 1975). Поведение участников иронической коммуникации может метафорически осмысляться как «маска», которую «надевает» иронизирующий (Ермакова, 2010). Идея игрового начала (т.е. говорения от лица другого) и притворства (т.е. отступления от канонов кооперативного общения) также присутствует в теории иронии как притворства (Clark, 1984).

Мысль о диалогической природе иронии по-своему преломляется в теории иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон. Ирония связана с переходом на метауровень коммуникации, поскольку ироническое высказывание отсылает нас к тому, что потенциально могло быть сказано или уже было сказано кем-то, но в другом контексте (Wilson, 2006, 2007).

Идея эха, отражения точки зрения *другого* в ироническом высказывании перекликается с бахтинским многоголосием, а также с эстетическим представлением об иронии как зеркальном отражении: «Ирония предлагает нам зеркало, где свободно отразится наше сознание, или, говоря иначе, она посылает человеку эхо, являющееся отзвуком его собственного голоса» (Янкелевич, 2004: 26).

Посмотрим, как могут быть организованы диалогические отношения внутри текста и между текстами.

3.1. Ирония как результат диалога внутри текста

Примером одновременного существования диалога (в информационно-семантическом смысле) и диалогичности как параллельного присутствия нескольких точек зрения внутри одного текста может служить следующая запись из Живого Журнала Татьяны Толстой (<http://tanyant.livejournal.com/55371.html>):

Подарили мне кулинарный журнал Юлии Высоцкой, - теперь все криворукие домохозяйки должны быть при галерее журнале. Кто туда пишет - не знаю, тоже какие-то криворукие. Уровень менталитета - поручик Ржевский: "Каким напитком вы соблазняете женщину?"

Рецепты плохие, но рекламы - под завязку.

Все это ладно. Но у журнала - а то как же иначе - есть ФИЛОСОФИЯ, ага. Как же без философии.

Какая же она, вот какая? Ну, какая? А вот: "Мы знаем, что наши читательницы не стоят сутками у плиты. Поэтому не пропагандировали дорогие гастрономические редкости вроде устриц или мраморной говядины". Я не знала, что приготовление устриц требует многочасового стояния у плиты!!! А мраморная говядина, так это, наверно, вообще сталелитейный цех? Дорогая Юлия... нет, это безнадежно.

Прощайте, Юлия.

Этот фрагмент интересен тем, что в нем складывается сложная система взаимоотношений, с одной стороны, между языковыми способами имитации диалога, с другой, – между коммуникативными позициями (ролями) автора, ее оппонента и читателя текста.

Диалог как последовательность реплик организован имплицитно – перед нами то, что обозначается термином «свободный косвенный дискурс» (Падучева, 1996; Sharvit, 2008). С функциональной точки зрения использование такой техники – это способ выразить свое отношение к тому, о чем или о ком идет речь в тексте. Замаскированные под монолог традиционные элементы диалога (вопросно-ответные единства, обращения, прощание) создают ощущение присутствия собеседников и конкуренции по меньшей мере двух точек зрения – Т. Толстой, и Ю. Высоцкой. В данном фрагменте присутствует и голос наблюдателя (*Какая же она, вот какая? Ну, какая?*); вопрос наблюдателя «иллокутивно вынуждает» автора дать ответ – представить конкурирующую точку зрения, и в качестве ответа на повторяющийся вопрос появляется цитата из кулинарного журнала Ю. Высоцкой. Эти элементы создают и взаимоотношения «автор записи в ЖивомЖурнале – редактор кулинарного журнала – читатель», и эти отношения можно охарактеризовать как несимметричные.

С другой стороны, этот текст оказывается связанным с другими текстами, в первую очередь – через цитаты из журнала и упоминание прецедентного персонажа (поручик Ржевский). Если цитаты – это способ представить точку зрения оппонента напрямую, то упоминание имени персонажа анекдотов – это и есть скрытое выражение негативного отношения к журналу.

3.2. Ирония как результат межтекстового диалога

Еще один способ организации диалога точек зрения – межтекстовый (интертекстуальный). В отличие от внутритекстового диалога, где голоса существуют параллельно в пределах одного текста, в межтекстовом диалоге различные мнения разведены во времени и пространстве. Их объединение в диалог в значительной степени случайно, и до появления гипертекстовых технологий установление межтекстовых связей всецело зависело от читателя. Сегодня ситуация, когда тексты в прямом смысле оказываются связанными между собой по различным основаниям, стала для современных читателей привычной и естественной.

Поскольку современная компьютерно-опосредованная коммуникация предлагает практически неограниченные возможности в установлении связей между текстами, необходимо сделать оговорку, касающуюся критерия отбора текстов для анализа. Для данной работы таким критерием стало тематическое единство текстов – откликов на исходное информационное сообщение - выступление В. Матвиенко.

Слово *сосули* в речи губернатора вызвало бурную реакцию носителей русского языка. Одной из наиболее заметных реакций стала запись в Живом Журнале П. Шапчица (<http://shaptchits.livejournal.com/>). Приведем эту запись полностью:

2 февраля 2010 года Валентина Матвиенко на заседании в Смольном произнесла: «В XXI веке сбивать сосули ломами — это уже, извините меня, каменный век... Надо найти другой способ. Так, чтобы можно было срезать лазером, горячим паром»...

*Срезают лазером сосули,
В лицо впиваются снежинки.
До остановки добегу ли,
В снегу не утопив ботины?*

*А дома ждёт меня тарела,
Тарела гречи с белой булой;
В ногах – резиновая грела,
И тапы мягкие под стулом.*

*В железной бане – две селёды,
Торчат оттуда ложка с вилой.
Есть рюма и бутылка с водой,
Она обед мой завершила.*

*Я в кругу положу завары,
Раскрою «Кобзаря» Шевчену –
Поэта уровня Петрары
И Валентины Матвиены.*

Пара текстов «информационное сообщение – стихотворение» – пример межтекстовой диалогической коммуникации. Если убрать первую часть – исходное высказывание В. Матвиенко – исчезнет контраст точек зрения, и интерпретация стихотворения как иронического может не состояться. Без цитаты губернатора стихотворение – это просто один из многочисленных примеров игры с морфологическими средствами русского языка. Заметим также, что именно исходное информационное сообщение с цитатой из выступления политика задает правила дальнейшей языковой игры. Известно, что игра – это такой вид деятельности, который, с одной стороны, существует в рамках определенных правил, с другой, позволяет применять эти правила «понарошку», примерять их к ситуациям, по различным причинам невозможным в реальной жизни. В данном случае перед нами игра, которая, с одной стороны, задана правилом «удали суффикс -к- из основы существительного», с другой стороны, эта игра дает возможность применять это правило и к существительным, которые без этого суффикса не употребляются, и даже к тем словам, в которых -к- вообще не является суффиксом (*Петрара*).

Диалогическое соотношение, точнее, взаимоотношение смысловых позиций информационного сообщения и стихотворения асимметрично. Стратегия, которая избирается в обоих случаях – доведение до абсурда точки зрения оппонента.

Ср. еще один текст – фрагмент заметки М. Королевой «Сосульки или сосули?» в «Российской газете» – Неделя №5141 (62) от 25 марта 2010 г.:

*«И все же, все же... Надо честно признать, сосулька нам привычнее. Не случайно в большинстве словарей сосули все-таки нет, это слово из активного употребления вышло. А потому солидный чиновник, которому слово **сосулька** кажется легкомысленным и который решает заменить его на более "серьезное", более веское слово сосуля, делает в результате ложный шаг!» [http://www.rg.ru/2010/03/25/sosulki.html]*

Здесь также можно говорить о межтекстовом диалогическом взаимодействии точек зрения, но, в отличие от стихотворения, в газетной публикации критическая оценка выражена эксплицитно, следовательно, мы не можем охарактеризовать этот текст как ироничный.

4. Заключение

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что диалог как способ организации социально-коммуникативных взаимоотношений реализуется через диалог языковой – даже в тех случаях, когда текст формально организован как монолог, существует «техника» передачи чужого голоса – свободный косвенный дискурс. Что касается интертекстуального взаимодействия, оно выполняет социально-семиотические функции, определяя позиции авторов текстов внутри обширного межтекстового пространства.

Одним из способов создания баланса взаимоотношений является вербальная ирония – в приведенных текстах ирония возникает не в результате противопоставления буквального и переносного значений, а в результате одновременной актуализации нескольких точек зрения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. — 424 с.
3. Бахтин М.М., Волошинов В.Н. Антропологистика: Избранные труды. – М.: Лабиринт, 2010. – 255 с.
4. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
5. Ермакова О.П. Ирония в отношении к лексико-семантической норме // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 379-409.
6. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. – М.: АСТ: Восток-Запад; Минск: Харвест, 2007. – 256 с.
7. Кашкин В.Б. Коммуникация // Большая российская энциклопедия: Т.14 «Киреев – Конго». – М.: Изд-во БРЭ, 2009. – С.658-659.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
9. Романов А.А., Белоус Н.А. Макроструктура дискурса. Когнитивные особенности коммуникантов // Мир лингвистики и

коммуникации. – 2011. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru/content.htm> (свободный).

10. Янкелевич В. Ирония. Прощение: Пер.с фр. – М.: Республика, 2004. – 335 с.

11. Clark H. On the Pretense Theory of Irony / H. Clark, R. Gerrig // *Journal of Experimental Psychology*. – 1984. - № 113. – Pp. 121-126.

12. Grice H.P. *Logic and Conversation* // *Syntax and Semantics: Vol.3. Speech Acts*. – New York: Academic, 1975. – Pp. 41-58.

13. Sharvit Y. The Puzzle of Free Indirect Discourse // *Linguistics and Philosophy*. – 2008. – № 31 (3). – Pp. 353-395.

14. Todorov T. *Mikhail Bakhtin. The Dialogical Principle*. – Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984. – 132 p.

15. Wierzbicka A. The concept of ‘dialogue’ in cross-linguistic and cross-cultural perspective // *Discourse Studies*. – 2006. – Vol.8 (5). – Pp. 675 – 703.

16. Wilson D. The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? / D.Wilson, D.Sperber // *Lingua*, № 116, 2006. – Pp. 1722-1743

17. Wilson D. On Verbal Irony / D.Wilson, D.Sperber // *Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*. Ed. by H.L.Colston and R.W.Gibbs. Lawrence Erlbaum Associates. New York, London. 2007. – P. 35-56.

Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – №2(23). –
Идентификационный номер 0421100038\016. –
http://http://tverlingua.ru/archive/023/content_23.htm